

— А ведь когда-то это был великолепный клинок. Какая жалость, — вздохнул Цинь Куньюй, открывая временный футляр.

Внутри на бархатной подложке мирно покоился духовный меч.

Гравировка на гарде стерлась почти полностью — время не пощадило искусную резьбу, превратив её в невнятные царапины. Сам клинок покрылся бурыми пятнами ржавчины и окончательно потускнел, напоминая израненного в бесчисленных битвах генерала, который доживает свой век в неизвестности.

Спутники обступили Цинь Куньюя. Любопытнее всех оказался Тань Ци: он то и дело вытягивал шею, пытаясь рассмотреть находку поближе.

— Ну и рухлядь, — хмыкнул он, разочарованно разглядывая ржавчину. — Разве таким можно сражаться? Он же рассыплется от первого удара.

— Может, отдать его оружейнику на переплавку? — задумчиво предложила Сюй Юньянь.

— Пе-перековать?.. — подал голос заикающийся Сюй Юйфань. — Да проще... пр-проще новый к-купить...

Цинь Куньюй пропустил их слова мимо ушей. Он засмотрелся на острие. Сквозь наслоения темной ржавчины проступали едва заметные, причудливые изгибы древних узоров. Он завороченно скользил по ним глазами, словно мысленно очерчивал контуры всего клинка.

Постепенно его взгляд затуманился, потеряв былую остроту. Взгляд подернулся белесой дымкой, точно лунный диск, внезапно скрывшийся за набежавшими грозовыми тучами. Мир вокруг него померк.

Медленно, дюйм за дюймом, он протянул руку к лежащему в футляре мечу.

— Господин? — Сюй Юньянь первой почуяла неладное. В следующий миг она испугалась и отчаянно закричала: — Назад! Держите его! С ним что-то происходит!

Тань Ци опешил и инстинктивно рванулся вперед, чтобы перехватить его руку, а Сюй Юйфань попытался отодвинуть ящик. Но Цинь Куньюй оказался быстрее.

Его немигающий, устремленный в никуда взор оставался абсолютно пустым. Не колеблясь ни секунды, он с силой опустил ладонь прямо на ржавое лезвие. Пальцы мгновенно сомкнулись на металле, и стремительным, почти неуловимым движением он выхватил меч из ножен.

И в то же мгновение древнее, покрытое патиной веков оружие ожило. Раздался

пронзительный, чистый звон, подобный яростному реву дракона и тигриному рыку. Тупое лезвие со свистом исторгло волну леденящей душу энергии клинка.

Удар пришелся прямо по Цинь Куньюю. Ладонь, сжимавшая сталь, мгновенно превратилась в кровавое месиво. Острая вспышка вспорола кожу и сухожилия — глубокие порезы зазмеились по запястью, обнажая багровую плоть. Выглядело это жутко.

Но самое поразительное — хлещущая из ран кровь не пролилась на пол. Ни единой капли не упало на землю.

Зрелище брызжущей крови заставило спутников оцепенеть от ужаса. Однако сам Цинь Куньюю, казалось, вообще не чувствовал боли. Его рука окоченела, превратившись в неподвижную статую, пока багровый поток послушно впитывался в древний металл.

— Господин!

— Дядюшка Куньюю!

Крики ужаса и растерянности слились в единый гул, но Цинь Куньюю их не слышал. Он полностью провалился в иную реальность. Его тело застыло каменным изваянием, абсолютно не реагируя на происходящее вокруг.

Перед его мысленным взором раскинулась бескрайняя, первозданная пустошь. По этой дикой равнине гигантскими стадами бродили мифические твари из «Каталога гор и морей». Земля содрогалась и гудела под тяжестью миллионов лап, а воздух разрывал оглушительный многоголосый рев — дикая, первобытная симфония ушедшей эпохи.

Повсюду кипели яростные схватки: хищники и жертвы сходились в смертельном танце ради куска мяса, ради клочка земли или защиты потомства. В воздухе стоял пьянящий запах свежей крови, которая лилась до тех пор, пока один из соперников не выпускал дух.

Колоссальные тени величиной с горы проносились по степи, и сотни слабых созданий в мгновение ока превращались в кровавое месиво, смешиваясь с грязью под их копытами. Завывающий ветер без усталости разносил во все стороны весть о неминуемой гибели.

Цинь Куньюю никогда не видел ничего подобного. Каждый зверь здесь был воплощением первобытной мощи — со сплетениями стальных мускулов и безжалостными клыками. В те суровые, бесконечно далекие времена слабость приравнивалась к смерти. Выжить мог лишь тот, кто обладал абсолютной силой.

Тук. Тук.

Этот яростный, неодолимый дух древности заставил сердце Цинь Куньюю биться чаще. Кровь

закипела в жилах, оглушительным набатом отдаваясь в висках.

Внезапно небеса раскололись. С вышины хлынул ослепительный луч — золотое сияние меча, подобное первому утреннему рассвету, прогнавшему вековую мглу. Он озарил бескрайние просторы, и этот чистейший свет вызывал непреодолимое желание пасть ниц.

Всепоглощающая аура и великая воля клинка заполнили все сущее. Великие звери замерли как вкопанные. словно по команде, они подняли головы к небу, а затем... один за другим преклонили колени. Могучие хищники безропотно склонились перед божественной мощью этого единственного удара.

Мир погрузился в абсолютное безмолвие. Казалось, даже бурный поток времени замедлил свой бег. Цинь Кунью заворуженно смотрел на это великолепие, не в силах сморгнуть, пока он слышал глухой, торжественный гул.

«Это же...»

Картина давно минувшей эпохи наполнила его душу безудержным восторгом. Но пока разум Цинь Кунью парил в облаках, его спутники едва не сошли с ума от страха.

Для них всё выглядело так, будто их господин просто схватился за лезвие и мгновенно окаменел, перестав даже моргать. Тань Ци робко помахал ладонью перед его лицом, но тот даже веком не повел.

— Да что с ним такое?! — закричал Тань Ци. Он ухватился за запястье Цинь Кунью и принялся изо всех сил разжимать его пальцы, пытаясь высвободить меч. — Может, позвать на помощь? Где сейчас глава семьи?! Кто-нибудь, приведите его!

Однако, сколько бы парень ни тужился, Цинь Кунью держал рукоять мертвой хваткой. Опасаясь навредить наставнику, Тань Ци в бессилии заметался по комнате.

— Как же так... Почему он не отпускает его? — Сюй Юньянь тоже растеряла всё самообладание. Поддавшись панике, она прижала палец к его межбровью, пытаясь влить крупицу собственной духовной энергии, чтобы расшевелить его замершее сознание: — Господин, очнитесь! Господин!

И лишь более наблюдательный Сюй Юйфань вовремя заметил нечто странное.

— Смотрите! — воскликнул он, указывая пальцем на лезвие.

Переведя взгляд на оружие, они увидели, как сочащаяся из ран кровь тонкой алой паутиной расползается по металлу. Буквально за пару мгновений багровый покров полностью окутал лезвие. Меч едва заметно завибрировал, словно очнувшись от векового сна. Каждый его вздох

отдавался глухим трепетом.

— Этот клинок... он... — Тань Ци вытаращил глаза, его голос сорвался на испуганный хрип. — Он же пьет его кровь!

Сюй Юньянь оцепенела, собираясь возразить, но в этот момент комнату затопило ослепительное белое сияние.

Тань Ци вскрикнул и кубарем покатился по полу, с размаху приземлившись на копчик. От резкой боли у него потемнело в глазах. Сюй Юньянь пришлось еще тяжелее: мощная волна духовной силы, вырвавшаяся из межбровья Цинь Куньюя, смела её, словно осенний лист. Девушку отбросило на несколько шагов, и она устояла на ногах лишь чудом.

«Невероятно... Наш господин едва переступил порог начальной стадии Закалки Эссенции, он просто физически не способен исторгнуть подобную мощь!» — пронеслось в ее голове. Тем временем яростный вихрь духовной энергии продолжал бушевать в помещении, вздымая полы халатов, но стоило ему коснуться тяжелых книжных стеллажей, как он бесследно растаял.

— Что опять происходит?! — в панике вопил Тань Ци.

— Н-не знаю! — заикался Сюй Юйфань, пытаясь укрыться за столом.

— Мамочки мои!..

Постепенно слепящее сияние угасло, вернув им зрение. Цинь Куньюй стоял посреди комнаты, задумчиво разглядывая клинок в своих руках. Его взор снова прояснился, а глубокие порезы на ладони бесследно исчезли — кожа стала гладкой, словно её никогда и не касалась смертоносная сталь.

— Господин, вы целы? — Сюй Юньянь бросилась к нему. — Пожалуйста, опустите оружие, это слишком опасно!

Цинь Куньюй мягко отступил на полшага назад, уклоняясь от ее рук.

— Господин?..

Он лишь тепло улыбнулся растерянным ученикам. Перехватив меч за рукоять, Цинь Куньюй достал из кармана чистый лоскут шелка и принялся бережно стирать остатки копоти с лезвия.

— На этот раз твоё чутьё тебя не подвело, Жуньфэн. У этого клинка действительно великое прошлое.

— Но что все-таки произошло? — не унимался любопытный Тань Ци.

Цинь Куньюй мельком взглянул на него и снова сосредоточился на чистке:

— Сложно сказать наверняка. Похоже, моя духовная сущность вошла в резонанс с душой меча. Чтобы пробудиться от многовековой спячки, ему требовалась кровь. Теперь, когда его истинная природа пробудилась, я должен попытаться соприкоснуться с его разумом.

Он не сомневался, что оружие ответит ему. В мимолетном видении первобытной эпохи он отчетливо уловил его ликование и безумную жажду настоящей битвы.

— Это безумие! — от волнения Сюй Юйфань даже перестал заикаться.

Сюй Юньянь поддержала брата хмурым взглядом:

— Древние патриархи не раз предупреждали: любой артефакт, требующий подношения кровью, несет в себе скверну. Зачем духовному мечу плоть, если есть чистая духовная энергия? Очевидно же, что этот клинок таит в себе опасность!

Цинь Куньюй промолчал, продолжая методично полировать металл. И действительно, стоило ткани коснуться обогранных мест, как застарелая ржавчина стала сходить легкими хлопьями, обнажая холодную сталь невероятной чистоты.

Удовлетворенно хмыкнув, он прошептал: «Я так и думал».

Затем он поднял взгляд на Сюй Юньянь:

— Правило о том, что пьющее кровь оружие принадлежит к темному пути, справедливо для нынешних времен. Но лишь для нынешних.

Отложив лоскут шелка, Цинь Куньюй поднял перед собой сверкающее лезвие, демонстрируя его первозданную красоту.

— На заре сотворения мира законы были иными. Искусство управления духовной энергией тогда находилось в зачаточном состоянии, и именно кровь служила для древних практиков самым надежным проводником воли.

Тань Ци затаил дыхание, его голос дрогнул от догадки:

— Неужели этот меч...

Цинь Куньюй не выдержал и рассмеялся — сперва тихо, а затем заливисто, отбросив всякую напускную строгость:

— «Владел владыка Чжуаньсюй Мечом, Влекущим Тень. И стоило убрать его в ножны, как из ларца доносился яростный рев драконов и тигров».

А в эпоху правления Яо, когда Великий Юй укрощал буйные воды Желтой реки, он отыскал этот клинок у подножия горы Хэнлу и разил им нечисть да свирепых демонов.

Перед вами — легендарный Меч, Влекущий Тень!

Эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба.

Меч, Влекущий Тень! Подлинное сокровище глубокой древности, о котором слагали легенды!

— Вы... вы ведь шутите? — пролепетал ошарашенный Тань Ци. — Оружие богов древности — и в скромных закромах семьи Цинь? Да быть того не может!

Впрочем, он выдавал себя лихорадочным блеском в глазах: парень отчаянно хотел верить в это чудо.

— Ошибки быть не может, — твердо отрезал Цинь Куньюй.

И пусть, кроме иллюзорного рыка древних хищников, у него не было вещественных доказательств, глубоко в душе крепла абсолютная уверенность. словно сам рок нашептывал ему: «Это он. Тот самый Меч, Влекущий Тень».

— Прошу вас, посторожите у входа, — обратился он к спутникам. — Мне нужно ненадолго остаться наедине с его духом.

Договорив, он направился к выходу, но стоило ему переступить порог, как на грудь ему с радостным пискom повалился тяжелый пушистый ком. Это был Хэйшицзы.

Пока Цинь Куньюй пребывал в оцепенении, верный мэнцзи места себе не находил от беспокойства. Однако строгий запрет хозяина входить в терем без дозволения в дневное время сдерживал его пыл. Бедному зверю оставалось лишь метаться у дверей, жалобно поскуливая и вглядываясь в полумрак комнаты.

— Ну всё, всё, я в порядке, глупый, — ласково пробормотал Цинь Куньюй, согнувшись под весом навалившейся туши. — Хэйшицзы, побудь снаружи. Охраняй вход и ничего не бойся, со мной всё хорошо.

Зверь издал тихое утробное урчание, несколько раз лизнул хозяина в щеку и нехотя спрыгнул на каменные плиты. Усевшись у дверей Терема Черной Птицы, он замер величественным изваянием, напоминающим грозного каменного льва-стража.

Вернувшись в дом, Цинь Куньюй велел Сюй Юйфаню и Тань Ци оставаться внизу, а сам в сопровождении Сюй Юньянь поднялся на верхний ярус Терема Черной Птицы. Здесь не держали книг; просторная, залитая светом площадка под самой крышей открывала великолепный обзор на окрестности, что позволяло девушке без труда замечать любое подозрительное движение снаружи.

Опустившись на пол и приняв позу созерцания, Цинь Куньюй положил обнаженный легендарный клинок себе на колени. Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы унять дрожь в теле, он прикрыл веки и направил свое духовное восприятие вглубь лезвия.

Постижение чужой памяти — памяти холодного оружия — казалось чем-то запредельным. Подобное чувство отделения разума от брэнной оболочки Цинь Куньюй испытывал лишь однажды, когда блуждал в сновидениях Чжоу Фу. И хотя это ощущение по-прежнему казалось чуждым и странным, оно больше не вызывало прежнего отторжения.

Прошел ли миг или целая вечность? Налетевший приступ легкого головокружения рассеялся, и перед глазами Цинь Куньюя проступили четкие контуры иного мира.

Точка обзора оказалась непривычно низкой — его сознание буквально слилось со сталью Меча, Влекущего Тень. Вокруг бушевал фантасмагорический океан изменчивых красок, но стоило сделать мысленный вдох, как это безумное буйство отхлынуло назад, обнажая образы прошлого.

Цинь Куньюй понял, что лишен физического тела, однако мог свободно направлять взор в любую сторону. Повернувшись вправо, он увидел прекрасную женщину. Ее длинные влажные волосы облепили бледные щеки, придавая ее божественному лику пленительную мягкость.

Взглянув в противоположную сторону, он заметил старца с серебристо-белой бородой и волосами, облаченного в простые даосские одежды. Но не успел Цинь Куньюй разглядеть черты его лица, как оба силуэта стремительно растаяли, превратившись в бесформенные мазки на холсте угасающей памяти.

Как ни напрягал он слух, сквозь толщу веков до него доносились лишь обрывки фраз, лишенные связующих нитей:

—... Желтая река... Хуайинь...

—... Юй... у подножия горы Гуйшань... заточить...

—...семья Цинь... примите благодарность...

«И впрямь наследие Великого Юя... — затаил дыхание Цинь Куньюй. — Но если этим клинком запечатали древнее зло, то какого монстра он сдерживал? И как такое сокровище оказалось у предков клана Цинь? Почему легендарное оружие веками пылилось среди обычного хлама?»

Хуайинь, гора Гуйшань...

Он попытался воскресить в памяти старинные хроники. Кажется, там, под толщей каменных круч, покоился...

Но закончить мысль ему не дал тихий, чарующий голос. Тьма затрещала по швам, и перед глазами соткался иной образ.

— Благодарю за подмогу, господин Цанхай. Коли замысленное мной великое дело увенчается успехом, я тотчас верну вам этот бесценный дар.

«Господин Цанхай? Лян?.. — Цинь Куньюй пораженно замер. — Неужели это сам Чжан Лян, будущий советник основателя династии Хань?!»

В исторических хрониках упоминалось, что в юности Чжан Лян отправился на восток изучать ритуалы, где и сошелся с загадочным отшельником — господином Цанхаем. Вместе они задумали дерзкое покушение на Первого Императора Цинь Шихуанди, и именно тогда Лян получил в дар священное оружие.

С трудом сфокусировав взор, Цинь Куньюй разглядел стоящего перед ним юношу. Лицо незнакомца отличалось женственной красотой, однако он казался твердым и негибачимым, что выдавали резкая складка меж бровей и холодный блеск в глазах.

Его собеседник, господин Цанхай, на первый взгляд казался невзрачным простолюдином. Но в каждом его жесте, в самой осанке угадывалась хищная грация готового к прыжку зверя.

— Меч, Влекущий Тень, наделен собственной волей, — неторопливо произнес господин Цанхай. — Коли в Поднебесной вспыхнет мятеж, клинок сам устремится ввысь, разя врагов на расстоянии в тысячи ли. Никакая броня не сдержит его ярость. Путь твой преисполнен опасностей, друг мой. Береги себя.

Мир покачнулся, не дав дослушать напутствие, и картинка вновь растаяла.

Задавать вопросы было некому. Цинь Куньюй оставалось лишь смириться и послушно плыть по течению чужих воспоминаний.

Спустя мгновение мгла расступилась.

Перед ним раскинулась выжженная солнцем долина у старого русла Желтой реки. Сквозь густые заросли кустарника у дороги доносился мерный топот тысяч копыт. Вскоре на горизонте показалась величественная процессия: лес остроконечных пик, расшитые золотом штандарты, шелковые балдахины и парадные колесницы. К ним приближался священный кортеж самого Владыки Великого Цинь.

Припав к земле в придорожной траве, затаил дыхание Чжан Лян. Рядом с ним, сжимая в руках тяжелое оружие, замер исполинский богатырь, присланный господином Цанхаем.

Неумолчно стрекотали цикады. Порывы ветра гнали по тракту клубы серой пыли.

Над Боланша поднималась буря.

<http://bllate.org/book/18428/1785094>